

Эмма Рейтер

Опальная земля.

Здесь, на Северном Предуралье, некогда в девственной тайге, с её богатейшими запасами разнообразного леса, с её причудливо скалистым поясом, разделяющим Урал от Сибири, никогда не было страшных, ошеломляющих гроз. Бывали с ураганом, что от их сверхсильного напора деревья падали, но не горели. Горные ручейки с шумом и грохотом несли свою кристально чистую, холодную, до ломоты в зубах, первозданную воду, которая в устье, у подножья гор, вливалась в лесную красавицу речку Акчим. Из-за этих ледяных, пополняющих Акчим ручейков, вода в реке тоже была холодной. Но зверей, обитающих в этой непролазной тайге, это не пугало. Они, по своим заведомым, протоптанным тропам, вереницей спускались к реке и с завидным весельем, криками и рычанием барахтались часами в воде. У каждого вида была своя тропа и своё время приходить к реке. Лося степенно, грациозно вскинув головы, заходили целиком в воду и, фыркая, распуская веером брызги, выскакивали на берег. Они бегали по берегу, стряхивая холодные капли воды, и громко мычали. Вернее – трубили, словно зазывали своих собратьев тоже порезвиться и освежиться. Медведи же, приходили на речку ранним утром, своими семьями и каждая располагалась отдельно и поодаль друг от друга. Только мамы с детёнышами. Видно

было, что им было труднее справляться со своими малышами. Но они ловко хватили расшалившихся медвежат, окунали их в воду и потом хлопали по шерсти. Со стороны казалось, что они их шлёпают за непослушание, а на самом деле они этими шлепками выколачивали из их шерсти насекомых и грязь. Это было и тщательным мытьём и борьбой с болезнями. Самцы приходили к реке отдельно и реже. Сюда, на речку, приходили и лисы, и куницы, и песцы, но как-то в определённые для них дни. А бобры – строители вообще прописались тут, среди упавших от грозы деревьев в реку, и устраивали здесь такие завалы, через которые ни один зверь не проберётся. Но в дождливую погоду, когда поднималась в реке вода, всю их «архитектуру» уносило вниз по реке, за несколько километров, в другую большую реку. Но, только устанавливалась погода, как они снова возводили плотины. И эти «мастера» были единственными лесниками, валившими лес без всякого разрешения и контроля. Так протекала здесь лесная жизнь.

И вот, однажды, это шёл 1932 год, сюда привезли людей, которым без особого их желания и радостных ощущений, пришлось обживать эту дремучую, первозданную тайгу. Их везли отовсюду. Времена в стране были такие. Во время коллективизации и образования колхозов вначале 30-х годов прошлого века - это были раскулаченные крепкие хозяйственники, «враги советской власти». Некогда они жили спокойно в своих хуторах на Харьковщине, на Ставропольщине, на Тамбовщине. Просто не у всех крепких крестьян было желание вступать и отдавать своё имущество в образующиеся колхозы. Им и так жилось не плохо. Они хотели присмотреться, продумать всё, есть ли резон вступать в новое общество, в коммуны, а потом и решаться. Но власть, ничего не объясняя, у всех взбунтовавшихся насильно отбирала дома, скот, урожай и инвентарь, а семьи выселялись в Сибирь, на Урал, в Коми и в Архангельскую область, то бишь - из тепла в холода.

Их было всего девять семей, сорок два человека, с маленькими детьми и стариками. Пять семей хохлов, как тогда называли украинцев: дед Грицко Капуста и его бабка Павлина; семья Зубко из семи человек; семья Жовтяк из шести человек; семья Куленко из четырёх человек; семья Вареника Андрея Фёдоровича из пяти человек; семья Шклярук, из-под Великих Лук, из пяти человек; две семьи немцев из - под Миллерово - Дурбан Ивана из семи человек; семья Гильденбрандт Рудольфа из четырёх человек; да бывший священник - Башагуров Агапий Николаевич из – под Тамбова, со своей женой. Везли до посёлка Стрелка на барже, а дальше - по лесной, дико заросшей, тропе (по которой ходили изредка по грибы – мочёнки - путики и

пихтовики, да по чернику), в семидесяти километрах от райцентра и в пятнадцати километрах от участка Стрелка. Шли пешком на Ябрусские поляны. Мужики, что посильнее, несли мешки с поклажей, бабы вели за ручонки малышей, а молодухи в закрохах, подвязанных шальями несли грудных детей, подростки поддерживали стариков. Конвой всю дорогу подтыкал их винтовками, даже присесть не давал, только молодухам разрешали грудников накормить и перепеленать, да кому по нужде в кусты ролгуляться.

Привели на пустошь, среди тайги и оставили без крова и продуктов. «И, чтоб ни ногой отсюда, сразу пуля в лоб», - такой был приказ конвоиров, доставивших их сюда. Эти люди, никогда не видевшие такую дремучую, непроходимую тайгу, должны были сами искать себе пропитание и строить жильё, в котором будут зимовать долгие, полугодовалые зимы. Но люди эти были предприимчивые, хозяйственные и толковые. Пока осень только надвигалась, они рыли землянки - временное жильё. У Дурбана Ивана был с собой инвентарь. Он со своими сыновьями - подростками - Яковом и Климентием и с семьёй Зубко Василия и Жовтяка Петра валили лес лучковой пилой, ошкуривали его и распиливали по размеру стен будущего дома. Просушить заготовленные брёвна погода не давала времени, солнце редко появлялось из-за высоченного леса. Надвигалась зима, временами пролетали уже «белые мухи». Пришлось кое-как срубить два домишка, «всырую», без нормальной крыши, так как не было досок. Сложили накат из двух слоёв брёвен с прослойкой из пихтовых лапок и моха. Печи сложили из камней с выходом трубы на крышу. Всё, что оставалось от разделки деревьев, распилили и раскололи на дрова и сложили у жилищ.

В этих домишках решили поселить четыре большие семьи, с малыми и грудными детьми, это двадцать пять человек. Остальным «оборудовали» землянки под огромными корнями, вывороченных грозой деревьев. Вокруг эти коренья обставили вершинками от деревьев, в виде большого шалаша, сверху укрыли большими пихтовыми ветвями, обвязали верёвками, чтобы ветер не сносил утепление из лап. Внутри тоже выложили небольшие печи, потому, что места оставалось только для двух лежанок, связанных из тоненьких берёзок и установленных на чурках. На эти лежанки разложили пихтовые лапки и сверху укрыли мешковиной. Двери тоже были связаны из мелкого кустарника с навязанными сверху пихтовыми лапками. Трудились целыми днями все «поселенцы», кроме маленьких детей и немощных стариков. Все, взрослые и подростки, заготавливали дрова на зиму. Спиливали лучковой пилой деревья, обрубали сучья и складывали их отдельно, для

растопки печей. А брёвна распиливали на чурки и раскалывали в поленья, складывая в поленницы. Жёны готовили супы из грибов и корней, добавляя немного крупы из тех запасов, что остались от долгой дороги сюда. Надо было экономить. Заготавливали грибы на зиму: сушили на каменных печах, солили в берёзовые туеса, которые наплели из берёста ушлые старики. Ещё сушили бруснику и чернику. Зимой это будет прикормом детям и на чай. Сушили травы, которые ещё стояли зелёными, и которыми можно будет зимой лечиться. Сушили лист, особенно брусничный и малиновый, шиповник и гроздь рябины. Зима будет долгая, всё съест.

Осень здесь короткая, которая сразу, резко переходит в зиму. Если вчера был дождь или было ведро, то на завтра встанешь, а уже зима накатила. Снег выпал, подморозило. Ничего тут не сделать человеку. Приходится сидеть в землянке, в полной темноте. После обеда всё равно выходили на свет божий, выносили детей. Не многие из них сообразили прихватить тёплые вещи, будто их везут в такие же тёплые места. Но становилось всё холодней, и зима не обещала пощады. Морозы здесь были лютыми. Дрова заносили в жилище с вечера и топили печь целыми днями. Не зная, сколько длилась здесь зима, люди быстро исчерпали съестные запасы, заканчивались заготовленные дрова. Мужчины выходили в потеплевшие дни в лес, бродили по пояс в снегу, собрав хоть немного веток и сучьев для растопки печей. Есть тоже было нечего. Сдирали кору с осинки, черёмух, выскребали из-под коры пихты белый, сладкий, волокнистый слой. Варили потом и кору и луб, добавляя кусочки кожаных вещей, если у кого они были. Воду готовили из талого снега, потому, что реки по близости не было. Сугробы снега доходили до человеческого роста. Единственную тропу, которая как-то связывала брошенный народ с живым миром, занесло. Проверяющие военные перестали появляться. Всех охватывало чувство никчёмности и неминуемой гибели. «За что? Лучше бы расстреляли, чем везти за тридевять земель и бросить в тайге».

Начали умирать от голода и холода старики. Умирили и маленькие дети. Им не хватало элементарной еды, не говоря о витаминах. Истощённые тела закапывали в снег, чтобы весной похоронить. Делились всем, что добывали и у кого, что было из кожи. Съели у умершего деда Капусты хромовые офицерские сапоги. Съели кожаные ремни, обшивку и меха с гармошки деда Жовтяка. Затем доели тулуп и безрукавку деда Шклярука. Некоторые уже не могли выходить на свет. Холод и темнота делали своё дело. Болезни валили и крепких мужиков, которые постоянно ходили за дровами и «пропитанием» в тайгу. Иногда удавалось поймать задремавшего в снегу зайца. Радости было -

не измерять. Но голод не уходил. От того, что ели постоянно кору, луб и выделанную кожу, у поголовно всех начались кишечные болезни. Выпадали зубы, слепли глаза и гнили отмороженные ноги. Женщины распаривали в чугунах травы и корни и привязывали к ранам. Но этого было мало, нужны были мази и лекарства. Начался поголовный мор. Счёт времени был потерян. Они не понимали, какой наступил месяц, какое сегодня было число. Оставшиеся в живых разместились в доме, где жили две большие семьи - Дурбан Ивана и Зубко Владимира. Спали все вместе на полу, постелив кое-какие холстины, укрывшись тем, чем можно. Детей клали в середину, согревая их своими тощими телами. Чтобы совсем не потерять рассудок, они пели песни свои - украинские, протяжные и раздольные. Немцы пели свои, в основном шуточные и забавные. Все настолько сдружились, сплотились, что даже выучили языки и могли разговаривать свободно. А поп Башагуров читал им псалмы наизусть и пел молитвы. Так проходили их дни и вечера.

Но вот стало чаще выглядывать солнце, длиннее стали дни и короче невыносимые ночи. Люди больше стали находиться на улице. Снег днём на сугробах стал подтаивать, а ночью его так подмораживало, что получался крепкий наст, по которому утром мужики шли в лес за дровами, как по хорошей, мощёной дороге. Однажды подростки - Гильденбрандт Жора и Зубко Вася, пошли вдвоём за дровами и на них там напали два волка. Отбиваться сучьями было не просто. Волки не отступали. Тогда Жора, вывернув свой тулупчик на изнанку, стал рычать на них, как медведь. Волки поджали хвосты и немного отступили. В это время Вася сломил большой, увесистый сук с сосны и ударил наскочившего на него волка. Тот растянулся на снегу, но был ещё жив и скалился. Жора навалился на него и придушил его руками. Второй волк не посмел кидаться и быстро убежал. Ужин был богатый, сытный. Мясо протянули на два дня. В основном варили похлёбку, добавляя иголки от сосны. Иногда набредали на косачиный ток, куда по ранним утрам прилетали тетерева и водили свои птичьи разборки. Желание подловить их на обед было превыше всего. Но птицы были очень осторожны. У них всегда на стрёме сидел «сторож» где-то на берёзе и подавал знаки об опасности. Приходилось кидать из последних сил сучьями в кучу дравшихся птиц. Но один сук всё - таки попадал хоть одному косачу в голову. Опять было много радости и вкуснейший обед на всех, оставшихся в живых.

Кое-как дожили до первых проталин, под которыми оттаяла земля. Решили, что это апрель. Выжило всего семнадцать человек. Схоронили умерших за зиму детей и стариков, временно зарытых в снегу. Так появилось первое кладбище «переселенцев». Стала появляться на проталинках травка,

которая тут же шла в чугунок для варёва. Всё чаще и звонче пели пташки. Зажурчали ручейки от таявших в лесу сугробов. Вскоре появились растения с довольно крупными «початками». То был полевой хвощ. Попробовали. Не отравились. Очень вкусные, сладкие и питательные. Насобирали их целое ведро. Надавили и сварили кашу. Попробовали печь лепёшки. Получилось тоже вкусно. Так и дотянули до полного тепла. Никто не посещал их, военные тоже не наведывались, значит, охраны не было. Надо было как-то выходить к людям, которые жили не далеко, в верстах пятнадцати. Даже на свой риск и страх быть убитыми. Но такая жизнь не оставляла им, оставшимся в живых, никакого шанса выжить здесь в полном забвении. Насобирали какие-то деньги, выбрали пару «здоровеньких» пареньков из семьи Шклярук и отправили в тот посёлок, куда их привезли на барже. Долго ждали их и так не дождались. Оказалось потом, что они сбежали. Осталось пятнадцать человек. Отправили ещё двоих - сыновей Зубко. Они вернулись к вечеру третьего дня на лошади, запряжённой в телегу. Чтобы пробраться по узкой, заросшей тропе, один шёл впереди и срубал мелкие поросли, расчищая дорогу, а второй вёл под узды лошадь, которая постоянно фыркала, чую медвежий запах. Привезли муку, крупу, масло, хлеб и семена. Ещё позаимствовали до урожая у одной семьи мешок картошки и плуг. А главной новостью было то, что на дворе уже был июнь и все в посёлке уже полевые работы закончили. С этого дня дед Дурбан Фердинанд стал вести ежедневник и календарь погоды. Потом деда окрестят «дедом Прогнозом».

На другой день все вышли на расчистку участка от пней. За день убрали два – три пня. После долгой и голодной зимы люди были ещё ослаблены. Мелко изрубив эти пни, потом их сжигали. Получалась отличная зола, которую собирали в мешок и, которая пойдёт на удобрение. Освободившийся участок от пней соток в пятнадцать, они несколько раз вспахали. Картошку разрезали на четыре части, чтобы хватило на посадку. На оставшейся земле Акулина Шклярук и Дурбан Фаина сделали несколько грядок и посеяли морковь, репу, свеклу и горох. Хотя уставшие, но истосковавшиеся по земле, они решили отметить первую победу над суровыми испытаниями, выпавшими на их долю. К вечеру на полянке, у своего «хуторка», мужики срубили из брёвен стол и две скамьи. На столе появился чугунок со щами из первой крапивы и кислицы, пирог из сладких «кукурузок» полевого хвоща и чай из свежих еловых побегов с мятой. Без воспоминаний не обошлось. И слёз было не мало. Но надо выживать.

Лето пролетело незаметно. Дети лакомились морковью и сладким горошком. Женщины собирали грибы, ягоды, которые впрок засушили и

насолили на зиму. Даже шишками кедровыми запаслись. Много трав и листа запасли для чая и лечения. Мужики постоянно ходили на речку, которая находилась от их «поселения» в трёхстах метрах, ловить рыбу. Оказалось, что эта река Вишера и очень богата разнообразной рыбой. А в заводях обитали огромные щуки и налимы. Рыбу тоже навялили и насолили. Овощи уродились на славу. Картошки собрали четыре центнера. Земля после леса оказалась очень плодородной. Хорошо уродились и морковь, свекла и репа. Куда овощи убирать? Пришлось рыть яму для овощей. Укрепили брёвнами, сделали большую насыпь из земли. Дров на зиму наготовили впрок, чтобы хватило до лета. « Но, как же так получилось, что их напрочь вычеркнули из жизни? Почему никому они не нужны? А как же дети? Им же надо учиться, познавать мир, взрослым где-то работать...»

После долгих раздумий и советов, они решили отправить в посёлок старшего по «артели» Андрея Фёдоровича Вареника и Ивана Дурбана, так как они были самые грамотные. Андрей Фёдорович трудился когда-то продавцом в сельпо, в своём селе Архангельском, на Ставропольщине. Имел свою пчелиную пасеку. Был у него большой, добротный дом с мансардой, усадьба с фруктовыми деревьями, земли двадцать соток и крепкое хозяйство. Работали в саду и на земле своей семьёй. Иногда, осенью, они привлекали на уборку урожая несколько бродячих нищих. Они их кормили, одевали и давали с собой пропитание. Но власти посчитали Вареника «кулаком», да и в колхоз он не собирался вступать и отдавать свой инвентарь и корову. За это его семью и «раскулачили».

А Иван Дурбан имел семь классов и занимался разведением тяжеловозных лошадей, которых поставлял на продажу в город Харьков. До образования колхозов всё шло своим чередом, никто их не тревожил. Семья Дурбана имела в своей собственности два добротных дома, конюшни, скот, земельный надел, с которого кормилась их большая семья и сами же своим силами обрабатывали. Излишки овощей вывозили в город на ярмарку и продавали. На вырученные деньги покупали детям и всем домашним одежду и обувь, да кое-какую утварь и инвентарь. Никому не мешали и не завидовали. Их ухоженную, всегда выкрашенную усадьбу видно было из далека. Но завистников и ненавистников всегда хватало. А тут настали времена коллективизации. Сгоняли в колхозы всех, не спрашивая ничьё мнение. А таких, не сговорчивых, как Иван Дурбан, просто выселяли из села, отобрав всё нажитое, отправляя их семьи в вечную ссылку. Некоторых вовсе расстреливали прямо за селом, а кого забирали в тюрьмы и потом отправляли в лагерь или тоже расстреливали.

Рано, по утрам, они отправились пешком решать судьбу брошенного народа. К вечеру они добрались до посёлка, преодолев пятнадцать вёрст и речку вплавь. В посёлке они остановились на ночлег в крайнем домишке одинокого старика. При свете лампы они повечеряли, узнали кое – что от старичка поподробнее и улеглись спать. Утром старичок увёл их в контору, к начальству. Их встретил начальник участка, высокий, в военном френче, довольно сытый и холёный мужчина лет пятидесяти, с сильно выпирающим животом. Он представился Петром Мефодьевичем и попросил их присесть и потребовал документы. Документов у них не было. На родине, откуда их выселяли, их вписали в список, который потом передавали по пути следования на пересыльных пунктах. Где остались эти списки, они не знали.

Он выслушал их «историю» появления в здешних местах и просьбу переселить их в этот посёлок, пообещав разобраться в этом деле сам и принять меры к «спасению» их семей. Прошло две недели, и к ним в «хуторок» прибыло с десятков человек на строительство бараков. Два барака построили за два месяца. «Местные» помогали носить мох для утепления и утыкивали им щели. На телегах подвозили доски на пол и крышу и кирпич для печей. Этим бедолаг не только не вывезли отсюда, а ещё им подвезли семей пятнадцать, многодетных «кулаков», около семидесяти человек. А, чтобы их чем-то занять, сколотили две бригады лесорубов на валку леса и две бригады на разделку и вывозку к реке. Дали четыре лошади, которых разместили в пристройке к одному из бараков. Надвигалась вторая зима.

Прожили они здесь шесть лет. Продукты им подвозили по реке к маленькому причалу, от которого потом их перевозили в свой «хутор». В одной из комнат барака был организован маленький магазинчик, в котором работал Вареник Андрей Фёдорович. Остальные все трудились в лесу, даже женщины. Малые дети оставались с бабушками, а дети постарше учились и жили в интернате в посёлке Стрелка. Но в конце 30-х годов всех перевезли в другое место, на Нижний Родник, который впадал в речку Акчим. Перевели сюда потому, что здесь, на Ябрусской, уже весь лес был вырублен. Надо было осваивать новые площади. Был ещё Верхний Родник. Там было построено два барака, баня, магазин и столовая. Завезли туда тоже переселенцев, высланных по Указу очередной «очистки» страны. Их так и звали – указники. Тоже валили и сплавливали лес. А на Нижнем Роднике был построен большой посёлок, с отдельными улицами и проулками. Народ навезли со всего Союза, из всех регионов. В 1950 году в этом посёлке проживало четырнадцать национальностей.

Но пока его обживали «кулаки», быстро превратившиеся в лесозаготовителей. В 1944 году привезли репрессированных, проживающих на оккупированных территориях во время войны и якобы «пособников врагу» крымских татар, армян, болгар, сербов, латышей и кавказцев. В 1945 году завезли из трудовой армии репрессированных немцев. Многие были оставлены на вечное поселение. К концу 1946 года в посёлке проживало около тысячи человек. В посёлке были построены следующие объекты соцкультбыта: школа - четырёхлетка, ясли – сад, медпункт, пекарня, магазин, клуб, баня. Строились промышленные объекты: склады, конюшня, пилорама, электростанция, столярка и кирпичный завод. Народ жил дружно. Не было никаких межэтнических конфликтов, помогали друг другу во всех случаях жизни.

По прошествии многих лет, люди получали реабилитацию и уезжали в родные места, или другие регионы страны, а на их место привозили очередные, новые группы людей, призванных на работу в леспромхозы по вербовке или после «очистки» городов от тунеядцев и прочих не нужных элементов. Такие посёлки служили местами «принуждённого перевоспитания людей», нарушая все права человека. Многие уехали, но большинство остались в этих местах. Это люди, потерявшие навсегда свои корни, своих родных и свою родину. Их приняла другая, опальная земля, которая помогла им выстоять в их страданиях, невзгодах и разочарованиях, которая стала им второй родиной, и которую они полюбили и отдали ей лучшие годы своей жизни. Дурбан Иван Яковлевич и Гильденбрант Георгий стали орденосцами и ветеранами лесной промышленности. Сегодня их нет с нами, но в районе их имена помнят и чтят.

25.03.2017г.